Сокуров Александр 6.01.94

Экран и сцена. – 1994. – 6–13 янв. – С. 6.

КИНОМАННА

Сокуровская элегия

В УХОДЯЩЕМ 1993 году Александр Сокуров остался верен себе и снял два фильма — игровой «тихие страницы» и документальный «Элегия из России. Этюды для сна».

Своеобразие и масштаб его как режиссера, помимо многого другого, заключается в том, что он творит киноискусство, не деля на виды, как единый целостный мир. Для творческой самореализации ему равно необходимы и игровое, и документальное кино. Питают их единые истоки: опыт отечественной и мировой культуры, мир природы, социальная реальность и, прежде всего, реальность внутреннего мира его личности.

Игровое кино — возможность самому создавать художественную реальность. Документальное — кратчайший путь к реальности жизненной, возможность вглядываться, вчувствоваться, вдумываться в нее. Там, в игровом кино, он более философ и поэт. Тут, в документальном,— более исследователь, историк. Там, в игровом кино, в отношении страждущего мира — терапевт. Тут, в документальном.— хирург. Он сам как-то говорил об этом.

Документалистика Сокурова крайне субъективна, глубоко поэтична, пронзительно исповедальна. Может быть, он с особой силой и остротой воспринимает драматизм современной жизни, выражает социальные и психологические настроения времени кризиса, времени у черты. Страдание — ведущая интонация фильмов Сокурова. Оттого в них сосредоточенный трагизм, безрадостный колорит, то скорбная, то элегическая интонации. Эмоции и рефлексия, владеющие режиссером, постоянны и протяженны, развиваются во времени творчества и пространстве фильмов, объединяя их в циклы.

Уникальная режиссерская работа Сокурова в качестве «составителя цикла» (так означено в титрах) «ленинградская ретроспектива». Фильм состоит из 77 частей, его демонстрация продолжается 13 часов. Режиссер просмотрел выпуски ленинградской кинохроники за 34 года (с 1957 по 1990), вместившие все — «оттепель», «застой», «перестройку». Он составил цикл, заявив свою позицию как художник-историк. Сокуров-историк (он окончил исторический факультет Горьковского университета) помог режиссеру заговорить языком новой документалистики, пойти «другим путем», не тем, что обычно выбирают авторы монтажных документальных фильмов. Он не стал перемонтировать материал, лишь выбрал и укрупнил повторяющиеся темы, кинематографические приемы, речевые штампы закадрового комментария. Так он дал обнажиться нищете нашего общественного сознания, убогости художественного мышления официальной хроники, и показал механизм официальной пропаганды в действии. Он констатировал, как мало сущностных отличий между эпохами, которые нам казались столь обнадеживающе разными.

Каждой серии цикла Сокуров предпослал небольшой экранный эпиграф—старые фотографии, кадры хроники 20 — 30 — 40-х годов. И ни единого слова комментария, а точка зрения на материал абсолютно ясна, слышна. Так свершилось чудо одухотворения казенного мертвого материала— осмыслением, переживанием.

В шестом фильме документального историко-культурного цикла элегий— «Элегия из России. Этюды для сна» (1993 г.), это чудо оживления, одухотворения материала поражает с новой силой. Герои этого фильма — безымянные люди России, ее народ. Крестьяне, послушницы, артельный и фабричный люд, старики, дети, женщины. Мгновения их жизней в природе, быту, труде запечатлел великий летописец России XIX века фотограф Максим Дмитриев.

На его фотографиях города, которых уже не найдешь на карте России; монастыри и храмы, стертые с лица земли русской; люди, которых давно уже нет. И все это начинает выходить из небытия, благодаря чувству режиссера к этим людям, его мысли о единении с ними, которые материализуются в крупном плане, детали, панораме, самом заинтересованном взгляде кинокамеры. Она укрупняет человека, его фигуру, лицо, вписывая его в большее пространство окружающего мира.

В фильме «Элегия из России. Этюды для сна» введен еще один пласт документального материала — западно-европейская хроника первой мировой войны. Сокуров не раз говорил о полном доверии этой летописи, свободной от пропагандистских и идеологических акцентов. В ней — мгновения смерти в окопах, лесах, болотах истребляющих друг друга немцев, французов, англичан, русских. Одушевление старой кинохроники достигнуто тем, что она зазвучала, прорезались сквозь десятилетия голоса войны, ее тяжелое дыхание, ее предсмертные хрипы. Озвучивая немую хронику, режиссер переживает запечатленные в ней события. И вот уже камера А. Бурова, современного кинооператора, камнем летит в болото, а он «тонет» вместе с ней.

Уникальная способность Сокурова одушевлять, оживлять старые фотографии, старую кинохронику порождает у зрителя чувство сопричастности к тем, кто был до нас, и духовного общения с ними, ощущение себя частью целого — народа, человечества.

Сегодня, когда все так разобщены и одиноки, эгоцентричны и равнодушны, так под собою не чуют страны и почвы, подобные чувства и ощущения как благодать снисходят на нас с экрана.

Ирина ГРАЩЕНКОВА.

210